

Научная статья
УДК 821.512.37.82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430
EDN: ULEOPQ

ОБРАЗ КОВЫЛЯ В КАЛМЫЦКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИКЕ

Римма Михайловна Ханинова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия, khaninova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>

Аннотация. В статье представлен литературоведческий анализ образа ковыля в современной калмыцкой русскоязычной лирике, чем обусловлены актуальность и новизна объекта и предмета исследования. Материалом статьи стали стихи авторов, вошедшие в поэтические книги разных лет. Сравнительно-сопоставительный метод и метод описательной поэтики выявляют общее и индивидуальное в картине мира поэтов, в их пейзажной лирике, определяющей типичный ландшафт калмыцкой степи. По сравнению с полынью ковыль является вторым частотным фитонимом в стихах калмыцких поэтов о флоре родного края. Тем не менее, фитопортрет ковыля – стихи, адресованные этой траве – редко представлен в лирике авторов за исключением произведений П. Чужгина и Р. Ханиновой. В основном ковыль стал образным компонентом в общей картине степи, символизируя связь лирического субъекта с родиной, родом, семьей. Автобиографические детали, включенные в такие нарративы, подчеркивают личностное отношение поэтов к патриотической теме. Мотив памяти обычно является сюжетообразующим в таких стихах. Образ ковыля передан через вид, цвет, движение, сравнение, метафору, анимизм: типичными становятся белый цвет ковыля, сравнение с сединой человека, с морскими волнами. Изображение растения в сезонном плане дано в основном весною и летом. В жанровом отношении стихи не отличаются разнообразием, их названия не включают наименование ковыля.

Ключевые слова: калмыцкая русскоязычная лирика; степь; образ ковыля; поэтика.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01283, <https://rscf.ru/project/25-28-01283/>

Для цитирования: Ханинова Р.М. Образ ковыля в калмыцкой русскоязычной лирике // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 419-430. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430. EDN: ULEOPQ.

© Ханинова Р.М., 2025

Original article

THE IMAGE OF FEATHER GRASS IN KALMYK RUSSIAN-LANGUAGE LYRICS

Rimma M. Khaninova

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia,
khaninova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>

Abstract. The article presents a literary analysis of the image of feather grass in modern Kalmyk Russian-language lyrics, which determines the relevance and novelty of the object and subject of the study. The material of the article is the poems of the authors included in the poetry books of different years. The comparative method and the method of descriptive poetics reveal the common and individual in the poets' worldview, in their landscape lyrics, which define the typical landscape of the Kalmyk steppe. Compared to wormwood, cowberry is the second common phytonym in the poems of Kalmyk poets about the flora of their native land. Nevertheless, the phytoportrait of feather grass – poems addressed to this herb – is rarely represented in the lyrics of the authors, with the exception of the works of P. Chuzhginov and R. Khaninova. Basically, the grasshopper became a figurative component in the overall picture of the steppe, symbolizing the connection of the lyrical subject with his homeland, clan, and family. The autobiographical details included in such narratives emphasize the poets' personal attitude to the patriotic theme. The motif of memory is usually plot-forming in such poems. The image of a hobble is conveyed through appearance, color, movement, comparison, metaphor, animism: the white color of a hobble, comparison with a person's gray hair, with sea waves become typical. The seasonal image of the plant is given mainly in spring and summer. The poems are not diverse in terms of genre, and their titles do not include the name of the hobble.

Keywords: Kalmyk Russian-language lyrics, steppe, image of feather grass, poetics.

Gratitude: The study was supported by grant No. 25-28-01283 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01283/>

For citation: Khaninova R.M. The image of feather grass in kalmyk russian-language lyrics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 419-430. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430. EDN: ULEOPQ.

© Khaninova R.M., 2025

В устном народном творчестве калмыков нет легенд и преданий о происхождении ковыля. Упоминается он в эпосе, сказках как степное растение, как средство-мишень для выявления победителя в состязании на стрельбище, как затычка для чайника, в который забралась нечистая сила.

Как в калмыцкой, так и в калмыцкой русскоязычной лирике фитоним ковыль по частотности уступает место фитониму полынь в картине мира поэтов [Ханинова 2025d: 401–411].

«В нашей периодизации история калмыцкой русскоязычной поэзии включает три этапа: 1) середина 1960-х гг. – 1970-е гг.; 2) 1980–1990-е гг.; 3) 2000-е гг. Мы относим к этому явлению калмыцких поэтов, пишущих на русском языке, передающих средствами “чужого” языка свою национальную идентичность, создающих свою национальную поэзию в аспекте традиции и новации» [Ханинова 2025g: 346].

Образ ковыля в современной калмыцкой русскоязычной лирике не был объектом и предметом исследования [Современная русскоязычная 2013; Топалова 2014; Метафоры и метаморфозы 2014; Диалоги во времени и пространстве 2014]. Неравномерно он представлен в пейзажной лирике авторов, в текстах которых ковыль входит в картину степного ландшафта, символизируя родной край. Рассмотрим такие стихи для выявления общего и индивидуального в создании этого образа.

Так, в лирике Джангра Насунова (1942–1979) образ ковыля впервые появился в стихотворении «Выстрел» (1971), посвященном «Памяти Улдиса Кнакиса – инспектора службы охраны сайгаков, погибшего при исполнении служебных обязанностей», в речи героя: «Ты для себя, пожалуйста, запомни, / Что там среди ковыльной тишины / Мои друзья видны как на ладони – / Враги и на равнине не видны» [Насунов 1971: 15]. Метафора тишины в стихотворении «Тишина» (1978) раскрывается как «шум тишины» в гармонии окружающего мира: «в сердце очень нежная струна / Поет о тишине и с тишиною», «пасется тихо белый-белый конь», «и так тиха в моей твоя ладонь» [Насунов 1980: 29–30]. К весеннему тюльпану, приставшему на цыпочки, «льнут <...> седые ковыли» («Тюльпан», 1974) [Насунов 1977: 28]. Прием антропоморфизма позиционирует траву как пожилого человека (определение «седые»), по-отцовски опекающего цветок. Если в стихотворении «Джангарчи ((по мотивам легенды), 1978)» в родном kraю «белеет ковыль» [Насунов 1980: 22], то в «Степной балладе» (1977) «прочь бежит багровым ковылем, / Покинув умиравшего собрата, / Добытчик подловато-хитроватый...» [Насунов 1977: 40]. Эпитет «багровый» связан с умирающим браконьером, кровь которого окрасила ковыль.

Лирический субъект Олега Лиджиевича Манджиева (1949–2022) ощущает «кровное родство / со всем живущим в этом светлом мире»: «Тогда поймешь, увидишь и услышишь, / Что неказистый стебель ковыля, / Седой с рожденья, тяжко-тяжко дышит, / О невозможной юности моля» («Письмо», 1982) [Манджиев 1982: 19]. Описание травы актуализирует ее некрасивость, старость, болезненность, что не мешает автору обозреть землю отцов, которую он сравнил со старенькой матерью. Он доказывает в письме к любимой, находящейся в Ленинграде, что «степь не прочесть, как на диване книгу, / И разумом холодным не понять, / И равнодушным сердцем не постигнуть» [Манджиев 1982: 49]. Поэт ищет то особое слово, которое поможет понять родную землю и значит – осознать себя. «Я шепчу неловкими губами, / А достойных слов не отыскать – / Мертвыми и тусклыми словами / Этую красоту не передать» («Слышу я, как лопнуло зерно...», 1982) [Манджиев 1982: 71]. Поэтому даже не ветер, а лунный луч медленно скользит и «ковыль тихонечко шевелит» [Манджиев 1982: 70]. Ночной пейзаж, наполненный тихой жизнью природы, сродни поэтическому процессу в постижении самого себя и вселенной.

Петр Антонович Чужгинов (г.р. 1950) декламирует любовь к родине в книге «Родная степь, воспетая стихами» (2016): «Полынь, тюльпаны, ковыли / Пробираются сквозь степную пыль» («Очарование»), «Ведь мне дороже красота тюльпанов, / Седой ковыль и терпкий аромат тюльпанов...» («Любовь к степи»), «Какой простор! Какая ширь! / Лишь мягко стелется ковыль» («Даль манящая») [Чужгинов 2016: 14, 33, 36], «Ковыль волнистый и седой, / До боли в сердце мне родной...» («Счастливый я»), «Родная степь, полынь и ковыли...» («Каменный пастух») [Чужгинов 2020: 8, 21]. Два фитопортрета ковыля есть в новом сборнике «Ничуть не жаль» (2025). Так, в стихотворении «Ковыль Калмыкии» поэт сравнил ковыль с озером Маныч, похожих, как братья-близнецы, своей сединой и бескрайностью: «Ковыль седой и Маныч тоже, / И друг на друга так похожи. / Они – два брата-близнеца, / Им края нет и нет конца» [Чужгинов 2025: 19].

Седина ковыля символизирует возраст травы и ее цвет. Трава и озеро сосуществуют в степи: «Им вольный ветер – лучший друг, / Тепло им дарит солнца круг. / Нечастый дождик проливной – / Им долгожданный и родной» [Чужгинов 2025: 19]. Обозревая просторы, автор активизирует свою национальную идентичность: «И жадно влагу степь впитает, / И буйно травы расцветают. / А птицы трели с высока / Ласкают душу степняка!» [Чужгинов 2025: 19]. В другом стихотворении-четверостишии «Ковыль на солнце серебрится...» красивый пейзаж показан в цвете (серебристый), движении (бежит) и сравнении (с волнами): «*Ковыль на солнце серебрится, / Бежит волнами на ветру. / И это диво мне не снится, / Когда в степь выйду поутру*» [Чужгинов 2025: 9].

Традиционное определение степи как ковыльной и сравнение седого ковыля под ветром с волнами в лирике Василия Гомбовича Сухотаева (г.р. 1952): «Он хозяин степи ковыльной» («Сокровищами фольклора славятся калмыки...»); «Степи ковыльной вечная сюита» («Прекрасна степь Калмыкии весной...»); «Где колышется весной ковыль» («В год и месяц Дракона родился...») [Сухотаев 2018: 32; 36; 53].

Виктор Владимирович Коксадаев (г.р. 1955) задается риторическим вопросом: «Степь моя бескрайняя – ветер, ковыли. / Кто расскажет тайны мне вечные земли?» («Степь») [Коксадаев 2024: 7], видит свою счастливую долю в связи с исторической судьбой вольной степи: «А ветер всеведущий будет / О чем-то забытом мне петь, / О ратных походах и судьбах, / Курганах в седом ковыле» («Калмыкия», 2024) [Коксадаев 2024: 6].

Ср. в лирике Татьяны Ивановны Бадаковой (г.р. 1953): «А преданья степного народа / Стали явью в ковыльной степени» («Память», 2024), «Мощные станы / джунгарских ханов / хранят ковыли / калмыцкой земли» («Моей Калмыкии», 2024) [Бадакова 2024: 56, 66]. Здесь историческая неточность: таких станов джунгарских ханов не было в калмыцкой степи, в Приволжской низменности предки ойратов поселились после добровольного вхождения в состав Российского государства в 1609 г. Джунгарское ханство – последняя в Центральной Азии кочевая империя, ойрат-монгольское государство (1635–1755 или 1758) [Бобров 2007: 60-69].

Ковыльная тема в лирике Валентины Николаевны Лиджиевой (г.р. 1959) проявляется в гендерном плане: «Я стану, как *ковыль нетленный*, / Телей, добре и моложе» («Я буду вечно молодой...»), «Алый тюльпан к волосам приколю, / Брошу на плечи *ковыльную шаль*. <...> Я ведь сегодня похожа на степь...» («Алый тюльпан к волосам приколю...»), «Я живу в своей родной столице, / В ласковой *ковыльной стороне*...» («Элиста») [Лиджиева 1982: 6, 37, 10]. В первом нарративе противопоставление старости и молодости в психологическом параллелизме, во втором – сопоставление человека и степи в их красоте, в третьем – синтез родного города и родной степи в их ласковой заботе. Там, в степи, лирическая героиня живет в ожидании любви: «Как конь, рванулось сердце / В простор родной земли. / Не дав мне оглядеться, / Умчалось в ковыли» («Как конь, рванулось сердце...») [Лиджиева 1982: 19]. Взгляд из окна на городскую окраину, где степь «то плачет, то смеется», «где на ветру качается ковыль», исполнен личной памяти о степном детстве [Лиджиева 1993: 70]. Мотив исторической

памяти, связывая родину с ее погибшими защитниками, заявлен в стихотворении «В седой степи»: «Строй погибших на войне солдат – / Это строй тревожных ковылей» [Лиджиева 1982: 41].

В лирике Василия Баировича Чонгонова (г.р. 1956) тема родного края, калмыцкой степи занимает основное место. В первой своей книге, названной программно «Со степи начинаюсь...» (2000), поэт сказал: «Следуя традиции, я начинаю свой монолог стихами о степи. Посмотрите, какая она у нас – даже небо на нее облокачивается...» [Чонгонов 2000: 3]. По мнению автора: «Степь и времена года в ней так или иначе всегда участвуют в жизни человека, они помогают ему осознавать значение происходящего в его жизни» [Чонгонов 2000: 38].

Как отметил Николай Санджиев (1956–2022), представляя вторую книгу Василия Чонгонова «Сансары отраженный лик» (2009): «По-особому воспринимает поэт и калмыцкую степь. Как художник слова для выдвижения своих чувств он не позволяет себе использовать уже готовые образы и краски, применяемые мастерами отечественной поэзии, а густо замешивает их в мятеежном сердце, находя единственно точные для этого слова. Примером тому служат замечательные по художественной выразительности стихотворения: “Со степи начинаюсь”, “Ты просишь рассказать меня о степи”, “Почему поседел ковыль”, “Этюд”, “Полынь моя! Печальница” и многие другие» [Санджиев 2009: 4].

Ландшафт степи широко представлен в первом разделе «Степь на ладони» книги В. Чонгонова «Сансары отраженный лик» (2009) [Чонгонов 2009: 7–38]. Метафорическое название раздела можно прочитать по-разному: как фразеологизм (ясно, отчетливо, близко видеть), «степь на ладони планеты», «степь на моей ладони» как символ взаимосвязи поэта с родным краем.

Часть стихотворений из первой книги вошла во вторую авторскую книгу. Обратимся к образу ковыля в национальной пейзажной картине поэта в указанном разделе. Из двадцати восьми текстов в шестнадцати присутствует ковыль – повсеместная трава калмыцкой степи.

Рассмотрим, в каком качестве и виде ковыль изображен в чонгоновских стихах. В первой книге стихотворение «Со степи начинаюсь...» (1981) открывало знакомство читателя с поэтом, во второй книге первая встреча с ковылем в стихотворении «В родные края после долгой разлуки...» (1998). Лирический субъект по дороге домой вспоминал: «Там вьется ковыль бунчуком Чингисхана» [Чонгонов 2009: 13]. Эта историческая связь монголоязычного народа с легендарным предком Чингисханом, основателем Монгольской империи в XIII в., связывает его потомков с Российским государством, подданство которого калмыки добровольно приняли в начале XVII в. Бунчук «как вид военной символики представлял собой знак военной власти в виде древка, увенчанного навершием, а под ним украшенного большой кистью из хвоста лошади, яка или шелка. <...> использовался как атрибут власти хана, полководца и входил в число священных символов в государствах, входивших в состав империи Чингисхана» [Ахмеджан 2024: 173]. «Бунчуки изготавливались из конского волоса, были черного, красного и белого цветов» [Ахмеджан 2024: 173]. Согласно версии, белое и черное знамя использовались в эпоху Чингисхана: «...”белое знамя” представляло собой бунчук, к которому “привязывались хвосты от девяти белых коней”. Оно

выставлялось в ханстве монгольского правителя в мирное время» [Бобров, Худяков 2008: 314], черное знамя с бунчуком из хвостов вороных коней символизировало ханскую силу и сопровождало хана в военных походах [Бобров, Худяков 2008: 314]. Таким образом, в стихотворении калмыцкого поэта пряди ковыля сравниваются с белым бунчуком мирного времени.

Историческая панorama родной степи развернута в стихотворении «О, степь моя!», где поэт подчеркнул: «Ты пронесла сквозь вечность, сохранив / Следы народов, смены поколений, / Протяжных песен плачущий мотив» [Чонгонов 2009: 17]. Эта степь знала скифов, сарматов, аланов, хазаров. И потому: «Я знаю, что не от солнца сед / Ковыль, в себя твою вобравший душу. / Ты столько в жизни испытала бед, / Что слез не в силах выплакать наружу» [Чонгонов 2009: 17]. Ср. в стихотворении: «Бездонна высь, ковыль от солнца сед...» («Ты просишь: “Расскажи мне о степи...”») [Чонгонов 2009: 25]. Риторический вопрос в другом стихотворении: «Почему поседел ковыль, / С вечной болью / Склоняя свой стан? / Чью любовь / Он в степи склонил? / Чью он душу врачует от ран?» («Почему поседел ковыль...») [Чонгонов 2009: 26]. Лирическому субъекту приходят ночью «сны – виденья родимых степей», где «табуны быстроногих коней / И седая печаль ковылей» («Журавли вы мои, журавли...») [Чонгонов 2009: 34]. Автор сравнил себя с ковылем: «Со степи начинаюсь, / С ковыля начинаюсь. / Тонкостанной былинкой / Под ветром качаюсь» («Со степи начинаюсь...», 1981) [Чонгонов 2009: 16]. Эту связь он актуализирует и как поэт: «Лишь ковылем немногословным / Жизнь обесцветила виски» («Курган, как старец смуглолицый...») [Чонгонов 2009: 38]. Метафоры и сравнения ковыля в любовном мотиве, напротив, демонстрируют молодость: «Заря, влюбленной девушкой, кургану / Ковыльный чуб взлохматила небрежно» («Заря, влюбленной девушкой, кургану...») [Чонгонов 2009: 21]. Типичное сравнение травы с волной дополняется «бахромой» в стихотворении «Мир заново создан сегодня...»: «Вскипает волнистою пеной / У ног бахрома ковыля» [Чонгонов 2009: 30]. Сравнение степи, белой от ковыльных локонов, с поседевшей матерью, манифестирует любовь к родному краю: «Дни и ночи ковыльные локоны / Ветер в сердце моем теребит. <...> Степь любимая, белая, белая, / Как моя поседевшая мать» («Степь моя! Золотая и серая...») [Чонгонов 2009: 33].

В той же книге в другом разделе «Край мой серебряный, юности край» также продолжена ковыльная тема. Коннотации смерти имеет ковыль в стихотворении «Храню в душе виденье юных лет...», в котором встреча со стариком, передавшим свой опыт: «А мудрость старика курган признал, / Под саван ковыля его призвал» [Чонгонов 2009: 51]. Судя по контексту, старик-калмык и саван (христианская деталь погребения) никак не может быть соотнесен с ним. Те же коннотации обусловили обобщенный образ конницы с клинками в степи, где «Поник печальной головой / Ковыль» [Чонгонов 2009: 79]. Одиночество ушедшего от жизни человека, лежащего в «безнадежной» степи, усугублено указанием цвета и звука ковыля: «Надо мною ковыль пожелтевший скрипит» («Я – один. Словно гладкая белая кость...») [Чонгонов 2009: 91]. Ороним Ергени появляется в описании его ковыльной гривы: «И, как грозные волны великого древнего моря, / Под ковыльною гривой застыли холмы Ергеней!» («Здесь суровые

ветры неистово в скорости спорят...») [Чонгонов 2009: 107]. Ночной водопой сайгаков, сопряженный с опасностью, провоцирует при движении стада сравнение: «Хрустит ковыль, как кости в башне пыток» («Луна упала на рога сайгачи...») [Чонгонов 2009: 152]. Акустический код в стихотворении о любви сопряжен с песней ковыля: «Любимый, не грусти! / Смотри – твоей озвучены любовью, / Поют в степи седые ковыли» («Любовь моя! Ты воскрешаешь взглядом...») [Чонгонов 2009: 183]. В этом разделе из 39 текстов 6 текстов включают образ ковыля. В двух разделах книги поэта ковыльная тема представлена в 22 нарративах.

В лирике Риммы Ханиновой (г.р. 1955) образ ковыля появляется в жанре сновидения, передавая ностальгию сосланных калмыков: «Им снилась степь в раздолье ковыля, / В весеннем мареве родимая земля...» («Им снилась степь в раздолье ковыля...») [Ханинова 1994: 108]. Мотив памяти, личной и исторической, отсылает в этом цикле «Сибирской памяти тетрадь» (1991) к трагическим страницам XX в. Словосочетание «раздолье ковыля» является ассоциацией с широким простором родной степи (долины, низины), с многострадальной долей своей земли.

В новых стихах Р. Ханиновой о ковыле есть «Триады» (2025), написанные в фольклорном жанре «хурвнц». «Три белых. Летний ковыль – белый. / Легкий путь – белый. / Ласковое слово – белое; Три острых. Зерновка ковыля – острыя. / Злая речь – острыя. / Зависть – острыя; Три длинных. Ости ковыля – длинные. / Осенние дни – длинные. / Оставленные дела – длинные» [Ханинова 2025b]. Белый цвет в культуре монголоязычных народов означает доброе, чистое, сакральное.

Фитопортрет ковыля, названный «Хан степи – ковыль» (2025), написан двустишными строфами: «В степи калмыцкой ханство ковыля, / Куда ни глянешь – здесь его земля. // Ковыль кочевнику был издавна собрат: / Вынослив, выдержан и также коренаст. // Он врос давно в неласковую степь, / Он с ветром песни долго будет петь. // И, облезая ханство, как всегда, / Привстанет в стременах: вся даль видна. // Там бунчуки белеют из остеи – / По всей равнине рати ковылей. // И на кургане восседает хан, / Обозревая свой могучий стан» [Ханинова 2025v].

В калмыцкой степи обитают три вида ковыля: ковыль перистый (*Stipa pennata*), ковыль Лессинга (*Stipa lessingiana*), ковыль волосовидный (*Stipa capillata*). Все они занесены в Красную книгу Калмыкии и Красную книгу РФ как исчезающие виды растений.

Другой фитопортрет «Калмыцкий ковыль» (2025) создан в жанре «вертикальных стихов». Форма такого текста отсылает к старомонгольской письменности, к ойрат-калмыцкому «тодо бичг» – «ясное письмо», в котором строки располагаются не горизонтально, а вертикально. Исторический ракурс включает эпоху Чингисхана и эпоху XX века: метафора ковыля как бунчука Чингисхана из чонгоновского стихотворения [Чонгонов 2009: 13] разворачивается здесь в три цвета – белый, черный и красный. Красный цвет в своей семантике контекстно связан с сибирским снегом – ссылкой калмыков в период тоталитарных репрессий (1943–1957), со смертью, болезнями, холодом и голодом.

Калмыцкий ковыль

К	Ч	К	Н	Б
О	И	А	А	У
В	Н	К		Н
Ы	Г		В	Ч
Л	И	Ч	Е	У
Ь	С	Е	Т	К
	Х	Р	Р	
К	А	Н	У	В
А	Н	Ы		
К	А	Й	К	С
			А	И
Б	В	Б	К	Б
Е		У		И
Л	М	Н	К	Р
Ы	И	Ч	Р	С
Й	Р	У	А	К
	У	К	С	О
Б			Н	М
У		В	Ы	
Н			Й	С
Ч		Б		Н
У		О		Е
К		Ю		Г
				У

[Ханинова 2025а]

Итак, в современной калмыцкой русскоязычной лирике образ ковыля неравномерно представлен в творчестве указанных поэтов – редко или часто. Наиболее широко фитоним ковыль присутствует в стихах Василия Чонгонова, особенно во второй его книге «Сансары отраженный лик» (2009).

Общим для всех авторов является связь ковыля с родным краем, калмыцкой степью, национальным ландшафтом. Автобиографические детали актуализируют личностное отношение поэтов к заявленной теме. Типичны сравнения ковыля с волнами, волосами, эпитеты белый, седой, волнистый, эпитет степи как ковыльной, седой.

Ср. метафоры, сравнения и эпитеты травы у Д. Насунова (ковыльная тишина, багровый ковыль), у О. Манджиева (неказистый стебель ковыля), у В. Лиджиевой (ковыльная шаль, строй погибших на войне солдат как строй тревожных ковылей, ковыль нетленный), у В. Чонгонова (бунчук Чингисхана, саван, ковыльный чуб, ковыльные локоны, ковыльная грива, бахрома, ковыль

немногословный, печальный, пожелтевший), у Р. Ханиновой (хан степи, ханство ковыля, рати ковылей, бунчуки из остея, разные цвета бунчуков-ковылей).

Ковыль обычно предстает во многих стихах динамичным: бежит, льнет, тяжко дышит, качается, стелется, шевелится, скрипит, хрустит, вьется, никнет, привстанет, восседает. Цветовая палитра травы в основном белая. Исключение: ковыль серебрится, белый, черный и красный бунчуки ковыля. Акустический код растения связан с ветром: шум ковыля, поет ковыль.

Исторический ракурс этого фитонима присутствует в нарративах В. Чонгопова и Р. Ханиновой.

В фольклорной традиции трава имеет антропоморфный признак в стихах авторов. Психологический параллелизм в них определяет взаимосвязь человека и природы.

Фитопортрет ковыля дан в стихах П. Чужгина и Р. Ханиновой.

В жанровом отношении ковыльная тема не отличается разнообразием в современной калмыцкой русскоязычной лирике. Ср. у Р. Ханиновой: сновидение, триады, вертикальные стихи.

Поскольку в калмыцком фольклоре отсутствуют легенды и предания о появлении ковыля, постольку их нет и в стихах поэтов. Нет и авторских текстов на эту тему.

В то же время поэты не обращаются к описанию ковыля как корма для скота или, наоборот, вредоносного в пору созревания плодов, как букета-украшения для дома, как оберега.

Ковыль в калмыцкой русскоязычной лирике изображен большей частью весною и летом в степном ландшафте. Обычно поэты не выделяют в описании те или иные части растения, дается общее название «ковыль».

Фитопортрет ковыля П. Чужгинов назвал с географической локацией – «Ковыль Калмыкии», Р. Ханинова – с определением «Калмыцкий ковыль», с метафорой «Хан степи – ковыль».

По сравнению с калмыцкой лирикой XX – начала XXI в. у русскоязычных авторов ковыль не показан при описании языческих и буддийских обрядов, например, на праздник Зул: ритуал «нас утулх» («продлить возраст»), когда используются стебли растения. См. в стихотворении Анджи Эрдниевича Тачиева (1920–1993) «Йиртмж» («Вселенная») [Тачиев 1982: 34]. Или на праздник Урс Сар у Аксена Иллюмджиновича Сузеева (1905–1995) в стихотворении «Эгчин туск дун» («Песня о сестре», 1967) [Сузеев 1983: 332]. Фитопортреты ковыля представлены только в стихах Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) «Хальмгин цahan толhата өвсд» («Калмыцкие ковыли», 1974) [Хонинов 1974: 64–66] и Эрдни Антоновича Эльдышева (г.р. 1959) «Цahan өвснэ дун» («Песня ковыля», 2007) [Эльдышев 2013: 16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмеджан 2024 – Ахмеджан К.С. Знамена, бунчуки и флаги Золотой Орды // МАИАСП. – 2024. – № 18. – С. 165–187.

Бадакова 2024 – Бадакова Т. В краю поющих барханов: сборник прозы и поэзии. – СПб.: Четыре, 2024. – 140 с.

- Бобров 2007 – *Бобров Л.А.* Джунгарское ханство – последняя кочевая империя // Наука из первых рук. – 2007. – № 1. – С. 60-69.
- Бобров, Худяков 2008 – *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху Позднего Средневековья и Раннего Нового Времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2008. – 776 с.
- Диалоги во времени и пространстве 2014 – Диалоги во времени и пространстве: поэзия Риммы Ханиновой: учеб. пособие / Т. Бембеев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 228 с.
- Коксадаев 2024 – *Коксадаев В.В.* Жизнь – разноцветные мгновения: стихи. – Элиста: [б.и.], 2024. – 80 с.
- Лиджиева 1982 – *Лиджиева В.Н.* Обращение к ливню: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 46 с.
- Лиджиева 1993 – *Лиджиева В.Н.* Тридцать роз: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 128 с.
- Манджиев 1982 – *Манджиев О.Л.* Небесный родник: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 80 с.
- Метафоры и метаморфозы 2014 – Метафоры и метаморфозы поэзии Риммы Ханиновой: монография / Е.В. Асмолова [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 240 с.
- Насунов 1980 – *Насунов Д.* Полет копья: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 61 с.
- Насунов 1977 – *Насунов Д.* Поселенцы: стихи. – М.: Современник, 1977. – 78 с.
- Санджиев 2009 – *Санджиев Н.* Постигший суть времени // Чонгонов В. Сансыры отраженный лик. – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. – С. 3–6.
- Современная русскоязычная 2013 – Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 128 с.
- Сузеев 1983 – *Сузеев А.* Любимая мать – степь моя: избранные поэмы и стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – 356 с. (На калм. яз.)
- Сухотаев 2018 – *Сухотаев В.Г.* Полынным воздухом дышу: стихи. – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2018. – 128 с.
- Тачиев 1982 – *Тачиев А.Э.* Очаг: стихи и поэмы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 124 с. (На калм. яз.)
- Топалова 2014 – *Топалова Д.Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: монография. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. – 256 с.
- Ханинова 2025a – *Ханинова Р.* Калмыцкий ковыль // Ханинова Р.М. Альчик: визуальные стихи. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. – С. 66.
- Ханинова 2025b – *Ханинова Р.* Триады // Из личного архива поэта.
- Ханинова 2025v – Ханинова Р. Хан степи – ковыль // Хальмг унн. – 2025. – 13 декабря. – С. 5.
- Ханинова 1994 – *Ханинова Р.М.* Взлететь над мира суетой: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 1994. – 240 с.
- Ханинова 2025g – *Ханинова Р.М.* Калмыцкая русскоязычная поэзия рубежа XX – XXI вв.: к истории вопроса // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 346–356. DOI 10.54770/20729316-2025-2-346
- Ханинова 2025d – Ханинова Р.М. Ковыль в картине мира современных калмыцких поэтов // Новый филологический вестник. – 2025. – № 4(75). – С. 401–411. DOI 10.54770/20729316-2025-4-401
- Хонинов 1974 – *Хонинов М.В.* Земля отца: избранные стихи и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 183 с. (На калм. яз.)
- Чонгонов 2009 – *Чонгонов В.* Сансыры отраженный лик: стихи. – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. – 207 с.
- Чонгонов 2000 – *Чонгонов В.Б.* Со степи начинаюсь...: поэтический монолог. – Элиста: АПП «Джангар», 2000. – 48 с.
- Чужгинов 2025 – *Чужгинов П.А.* Ничуть не жаль: стихи. – М.: Белый ветер, 2025. – 62 с.

- Чужинов 2016 – Чужинов П.А. Родная степь, воспетая стихами. – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2016. – 47 с.
- Чужинов 2020 – Чужинов П.А. Счастливый я: стихи. – Элиста: [б.и.], 2020. – 101 с.
- Эльдышев 2013 – Эльдышев Э.А. Песни степей и гор: стихи, переводы. – Элиста: Калмыцкое региональное отделение Союза российских писателей, 2013. – 622 с. (На калм. яз.)

REFERENCES

- AKHMEDZHAN K.S. *Znamena, bunchuki i flagi Zolotoj Ordy`* [Banners, bunchucks and flags of the Golden Horde]. In: MAIASP. – 2024. – No. 18. – P. 165–187. (In Russ.).
- BADAKOVA T. *V krayu poyushhix barxanov: sbornik prozy` i poe`zii* [In the Land of the singing Dunes: a collection of prose and poetry]. SPb.: Chety`re, 2024. – 140 p. (In Russ.).
- BOBROV L.A. *Dzhungarskoe xanstvo – poslednyaya kochevaya imperiya* [The Dzungarian Khanate – the last nomadic Empire]. In: Nauka iz pervy`x ruk. – 2007. – No. 1. – P. 60-69. (In Russ.).
- BOBROV L.A., KHUDYAKOV YU.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central`noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v e`poxu Pozdnego Srednevekov`ya i Rannego Novogo Vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.)*. [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times (XV – the first half of the XVIII century.)]. – SPb.: Fil. fak-t SPbGU, 2008. – 776 p. (In Russ.).
- Dialogi vo vremeni i prostranstve: poe`ziya Rimmy` Xaninovoj: ucheb. posobie* [Dialogues in time and space: the poetry of Rimma Khaninova: textbook. manual] / T. Bembeev [et al.]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 228 p. (In Russ.).
- KOKSADAEV V.V. *Zhizn` – raznoczvetny`e mnoveniya: stixi* [Life is a colorful moment: poems]. – Elista: [b.i.], 2024. – 80 p. (In Russ.).
- LIDZHIEVA V.N. *Obrashhenie k livnyu: stixi* [Appeal to the rainstorm: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 46 p. (In Russ.).
- LIDZHIEVA V.N. *Tridcezat` roz: stixi* [Thirty roses: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. – 128 p. (In Russ.).
- MANJIEV O.L. *Nebesny`j rodnik: stixi* [Heavenly Spring: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 80 p. (In Russ.).
- Metafory` i metamorfozy` poe`zii Rimmy` Xaninovoj: monografiya* [Metaphors and metamorphoses of Rimma Khaninova's poetry: a monograph] / E.V. Asmolova [et al.]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 240 p. (In Russ.).
- NASUNOV D. *Polet kop`ya: stixi* [Flight of the spear: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1980. – 61 p. (In Russ.).
- NASUNOV D. *Poselency: stixi* [Settlers: poems]. Moscow: Sovremennik, 1977. – 78 p. (In Russ.).
- SANJIEV N. *Postigshij sut` vremeni* [Comprehending the essence of time]. In: Chongonov V. Sansara reflected face. – Elista: ZAOr «NPP «Dzhangar», 2009. – P. 3-6. (In Russ.).
- Sovremennaya russkoyazy`chnaya poe`ziya Kalmy`kii: ucheb. posobie* [Modern Russian-language poetry of Kalmykia: textbook. stipend]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2013. – 128 p. (In Russ.).
- SUSEEV A. *Lyubimaya mat` – step` moy: izbranny`e poe`my` i stixi* [My beloved Mother, My Steppe: selected poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1983. – 356 p. (In Kalm.)
- SUKHOTAEV V.G. *Poly`nnym vozduxom dy`shu: stixi* [I breathe wormwood air: poems]. – Elista: ZAOr «NPP «Dzhangar», 2018. – 128 p. (In Russ.).
- TACHIEV A.E. *Ochag: stixi i poe`my`* [Hearth: poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 124 p. (In Kalm.)
- TOPALOVA D.Y. *Russkoyazy`chnaya poe`ziya Kalmy`kii: lirika D. Nasunova i R. Xaninovoj: monografiya* [Russian-language poetry of Kalmykia: the lyrics of D. Nasunov and R. Khaninova: monograph]. – Elista: KIGI RAN, 2014. – 256 p. (In Russ.).
- KHANINOVA R. *Kalmy`czkij kovy`l`* [Kalmuk grasshopper]. In: From the poet's personal archive. (In Russ.).
- KHANINOVA R. *Triady`* [Triads]. In: From the poet's personal archive. (In Russ.).

KHANINOVA R. Xan stepi – kovy'l' [Khan of the steppe – kovyl]. In: Halmg Unn. – 2025. – December 13. – P. 5. (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *Vzletet nad mira suetoj: stixi* [Soaring above the world of vanity: poems]. – Elista: APP “Dzhangar”, 1994. – 240 p. (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *Kalmy'czkaya russkoyazychnaya poeziya rubezha XX–XXI vv.: k istorii voprosa* [Kalmyk Russian language poetry of the turn of the XX – XXI centuries: on the history of the issue]. In: Novyj filologicheskij vestnik. – 2025. – No. 2(73). – P. 346–356. DOI 10.54770/20729316-2025-2-346 (In Russ.).

KHANINOVA R.M. Kovy'l' v kartine mira sovremennyx kalmy'czkix poe'tov [A wobble in the worldview of modern kalmyk poets]. In: Novyj filologicheskij vestnik. – 2025. – No. 4(75). – P. 401–411. DOI 10.54770/20729316-2025-4-401 (In Russ.).

KHONINOV M.V. *Zemlya otcza: izbrannye stixi i poemy* [Father's Land: selected poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1974. – 183 p. (In Kalm.).

CHONGONOV V. Sansary' otrazhennyj lik: stixi [Sansara reflected face: poems]. – Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2009. – 207 p. (In Russ.).

CHONGONOV V.B. *So stepi nachinayus'...: poe'ticheskij monolog* [I start from the steppe....: a poetic monologue]. – Elista: APP “Dzhangar”, 2000. – 48 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Nichut' ne zhal': stixi* [It's not a pity at all: poems]. – Moskva: Belyj veter, 2025. – 62 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Rodnaya step', vospetaya stixami* [Native steppe, sung in verse]. – Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2016. – 47 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Schastlivyj ya: stixi* [Happy me: poems]. – Elista: [b.i.], 2020. – 101 p. (In Russ.).

ELDYSHEV E.A. *Pesni stepej i gor: stixi, perevody* [Songs of the steppes and mountains: poems, translations]. – Elista: Kalmy'czkoe regional'noe otdelenie Soyusa rossiskikh pisatelej, 2013. – 622 p. (In Kalm.).

Информация об авторе

Р.М. Ханинова – доктор филологических наук.

Information about the author

R.M. Khaninova – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принятая к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.